

В.В. Химик

vkhimik@mail.ru

д-р филол. наук, профессор  
Санкт-Петербургского государственного университета  
Санкт-Петербург, Россия



## Современный чиновник: традиционный образ и некоторые особенности речевого поведения

*Номинация, семантическое поле, ассоциативные реакции, речевой идеал, стилистическая контрастивность.*

В статье рассматриваются некоторые компоненты состава семантического поля «чиновник-начальник», традиционные ассоциативно-ментальные оценки понятий *начальник* и *менеджер*, а также стилистическая контрастивность речевого поведения современного русского чиновника.

**Ч**иновник, или управленец, – традиционная для отечественной культуры фигура, которая становится ключевой и определяющей во всех сферах нашей жизни, включая и речевую. Номинация *управленец* относительно новая, в 4-томном академическом «Словаре русского языка» 1981–1984 гг. она еще не фиксировалась, в более поздних лексикографических изданиях появляется, но с указанием на ограниченный функционально-стилистический статус – разговорное слово [1: 1393]. И в то же время *управленец* – наиболее универсальное и, очевидно, родовое обозначение коммуникативного типажа [4], о котором идет речь. Замечено, что многие чиновники из сферы управления предпочитают использовать по отношению к себе именно это обобщенное и как бы нейтрализующее статус начальника «скромное» обозначение *я – управленец*. При том, что в кодифицированном языке есть и другое подходящее слово – *руководитель*, однако у него слишком широкое и неспециализированное значение вплоть до бытового (*руководитель* может быть и не чиновником).

Родовая коллоквиальная номинация *управленец* представляет обширное микрополе слов: *начальник, глава, директор, заведующий, администратор, первое лицо, руководитель, управляющий, председатель, секретарь, командир, командующий, шеф, босс, патрон*, а также разговорные образования: *главный, голова, зав, хозяин, сам*. Микрополе носит в целом открытый характер, является неоднородным по семантике, и выбор нужного слова из этого ряда обусловлен не только особенностями его значения, но и национально-культурной спецификой. Именно поэтому такие слова оказываются предметом особого внимания на занятиях по РКИ: для иностранца даже денотативное содержание многих единиц данного микрополя представляется загадочным, а множество в целом избыточным, не говоря уже о коннотациях, которые сопровождают отдельные названия. Обычно в практической работе рассматриваемые слова различают по двум главным параметрам:

- по характеру объекта управления: *директор завода*, но *заведующий столовой* – наоборот невозможно; *начальник военного*

госпиталя, но заведующий клиникой, директор училища, школы, но ректор университета и т.п.;

- по наличию и содержанию прагматических составляющих в структуре значения: нейтральные (*начальник, директор, управляющий*), разговорные (*шеф, хозяин*), сниженные (*шишка, козырь*).

Однако в последнее время семантическая и культурологическая ситуация в этом микрополе усложнилась, появилось еще и слово *менеджер* со своим специфическим значением, близким к *управленец*, но имеющим некоторые отличия, новые для микрополя в целом. По семантической структуре *менеджер* – это, во-первых, ‘нанимаемый руководитель’ [1: 533]; во-вторых, руководитель любого уровня (вот и Сталина кто-то назвал якобы «успешным менеджером»); в-третьих, *менеджер* – это руководитель с отраслевой спецификацией. Последнее определяет и особенности дистрибуции, предположно-падежного управления, которого у других членов микрополя обычно не бывает: *менеджер по продажам, менеджер по туризму, менеджер по закупкам* и даже *менеджер по клинингу* (так иногда для повышения социального статуса называют обыкновенного уборщика).

«Начальник, руководитель, директор...» – фигура в русском языковом сознании неоднозначная и амбивалентная [7]. С одной стороны, начальников в России не любят или недолюбливают, часто иронизируют по их поводу, что нередко и отражается в разговорной речи, напр., использованием иронического диминутива *начальничек*:

– *Ого! – удивленно проговорил он. – От вас запашок-с. Не мое дело, но, господин начальничек, рабочий день еще не кончился. Какой пример вы подчиненным подаете?* (Н. Леонов. Лекарство от жизни).

Нормативный состав микрополя «начальник» в своей периферийной зоне, в сниженной и жаргонизированной речи, имеет немалое экспрессивное продолжение, метафорическое и словообразовательное расширение: *шишка, пузырь, бугор, голова, козырь, туз, пупок, важняк, старшой* и т.п. [12]. Начальству в народной речи адресуется немало

идиом: *ходит козырем, пузырь надутый, шишка на ровном месте, начальников развелось* и др. Расхожая народная философия и социальные взаимоотношения с начальником представлены в известной инверсионной поговорке *Я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак*. Мягкая ирония по поводу статуса начальника проникла даже в детскую литературу, известен шуточный образ, созданный К.И. Чуковским: *Умывальников начальник и мочалок командир*.

Как же выглядит типичный начальник в народном представлении? По данным ассоциативного словаря под ред. Ю.Н. Караулова, из 244 реакций на стимул **начальник** оказалось 62 негативных и только 20 положительных реакций, остальные нейтральные [10: 89–90]. Правда, информантами при составлении словаря были в основном студенты, притом еще советского времени. Уже в новое время челябинские исследователи повторили этот эксперимент среди разных социальных слоев, но с установкой на внешний вид «начальника», и получили следующие оценочные реакции: *крик, очки, галстук, костюм, лысина, толстый, шляпа, голос, грубым голосом, командный голос, костюм-тройка, кулак, палец, полнота, прическа, шар* и др. [11: 187–190]. Как можно видеть, в ментальном отношении угадывается традиционный советский тип начальника.

Волгоградские исследователи провели подобный опрос респондентов с установкой на слово **менеджер**, и ассоциативные реакции оказались иными, более резкими и контрастными: *болтун, дипломат, жулик, манипулятор, пройдоха, пустоцвет, коммуникабельный, хитрый, деликатность, деловитость, имидж, коммуникабельность, любезность, назойливость, напряг, расплывчивость, сервис, суэта, реклама, мобильный телефон, галстук-бабочка* [4: 298–302]. Здесь много полярных оценок, но преобладают негативные, и это связано с целым комплексом причин: во-первых, отражение традиционного русского (или, может быть, российского) недоверия ко всякому начальнику, во-вторых, выражение негативного восприятия чужого, иностранного слова и

понятия *менеджер*, в-третьих, в массовом народном представлении распространилось искаженное, наивное понимание статуса менеджера, поскольку именно так предпочитают называть себя многие агенты розничной продажи.

В чем же заключается двойственность, амбивалентность национального русского представления образа *управленца*, или *начальника*? Отторгая ближнего, известного начальника (директора), русский человек не мыслит своей жизни без начальника дальнего, но главного – большого руководителя, вождя. Крылатая фраза из поэмы Н.А. Некрасова *Вот придет барин, барин нас рассудит* остается актуальной и для современного массового сознания. Склонность русского человека к политическим мифам, несокрушимая вера в «добраго царя» или в «отца народов», в «народного заступника», который сам собой появится, придет, разберется и наведет наконец-то порядок, постоянно отмечается в социологической и культурологической литературе. По любому поводу несправедливости народ предпочитает апеллировать сразу к «самому главному начальнику». Появилось даже свежее метафорическое выражение: *устроить кому-л. Пикалёво* – современная интерпретация надежды «вот придет барин». Так, обеспокоенные предстоящими некоторое время назад реформами 5 телеканала ТВ в Санкт-Петербурге, его работники грозились *устроить Пикалёво* чиновникам, если к ним не прислушаются: «нарек на участие премьер-министра В.В. Путина». *Устроить (новое, очередное, второе...)* *Пикалёво* обещали местным властям в разное время жители города Шаталово Смоленской области, профсоюзные активисты Костомукши, строители Санкт-Петербургской кольцевой автодороги, жители четырех городов Свердловской области и т.п.

Впрочем, в некоторых случаях народная речь не обходит положительными коннотациями и ближнего, «маленького начальника». В бытовой среде публичного общения популярны льстивые фамильярные обращения типа: *командир, шеф, начальник*. Особенно в сфере обслуживания, где говорящий,

предлагая товар или услугу, либо заказывая эту услугу, превентивно в знак уважения присваивает адресату-мужчине статус начальника: таксист пассажиру (*Командир, куда поедет?!*), пассажир таксисту (*Шеф, до вокзала подбросишь?*), грузчик клиенту (*Обижаешь, начальник...*), продавец на рынке покупателю, официант посетителю и т.п. Следует отметить, что это мужские апеллятивы, не только адресуемые мужчинам, но и исходящие от них. К женщинам так не обращаются, так как женщина в образе шефа, начальника и тем более командира в нашем обществе все еще непопулярна. Женщины подобные апеллятивы обычно тоже не используют, если не считать традиционное и уже редкое обращение *хозяин* или почтительное упоминание о начальнике словом *сам*.

Основная сфера коммуникации, в которой действует *чиновник-начальник* – официально-деловое общение [5]. Именно здесь *чиновник* и *начальник* как вариативные персонажи коррелируют друг с другом и сближаются в единый коммуникативно-речевой типаж, или тип языковой личности. Почему? Объяснение простое: любой чиновник занимает определенное место в административной иерархии (на современном языке – вертикали) и что-либо в ней возглавляет: министерство, аппарат, партийную ячейку, контору, отдел, в крайнем случае представляет какую-то социально значимую функцию или документооборот. Каждый чиновник оказывается, как минимум, *маленьким начальником* для множества посетителей, просителей, клиентов, пациентов, рядовых обывателей. И в этой своей административно-деловой сфере и функции *чиновник*, он же *начальник*, он же *управленец* – фигура не только амбивалентная, но и функционально контрастная. Имеется в виду стилистическая контрастность как особенность речевого поведения чиновника-управленца, социокультурного типажа, главной фигуры быстро набирающего у нас силу и широкий размах бюрократического дискурса.

**Стилистическая контрастность** речевого поведения и речевого образа чинов-

ника-управленца формируется двумя принципиально разными речевыми идеалами, которые представляют 2 противоположные функционально-стилистические сферы. Каковы эти идеалы и о каких сферах коммуникации идет речь?

Первый коммуникативно-речевой идеал – официоз. Устная речь чиновника находится под сильным влиянием официально-деловой разновидности книжно-письменной речи, т.е. особой сферы коммуникации – деловой.

Хорошо известно, что письменная форма официально-деловой речи в русской языковой традиции весьма существенно отличается от устной [6: 407]. Если управленец англо-американского делового общения, или англоязычный *менеджер*, легко переносит экспрессивные обороты устного повествования в деловое письмо, то в русской официально-деловой документной действительности это практически исключено. Именно поэтому многие иностранные рекомендации речевого поведения *менеджера*, которые настойчиво предлагают нашим новым управленцам, далеко не всегда применимы в российской действительности. Документные формы, официальные письма, деловые бумаги, инструкции на русском языке создаются по жестким правилам письменной деловой речи. Оригинальные приветствия, дружеские шутки, комплементы в наших официальных письмах неуместны, в американских – возможны.

В русской языковой традиции все происходит противоположным образом: письменные формы деловой русской речи, как правило, активно воздействуют на устную речь чиновника, а через него и на речь обывателя. Это старая проблема, на которую обратил внимание еще К.И. Чуковский, борющийся с канцеляритом, как он его называл, в устно-разговорной речи, особенно обиходной. Вот пародийный, но показательный пример такого воздействия клишированных оборотов письменной деловой речи на устную бытовую: *Хотелось бы заострить вопрос насчет наших отношений, и в силу выше-сказанного, давайте прогуляемся в зеленый массив. А при наличии средств и исходя из*

*положения, посетим пункт общественного питания...*

В публичных выступлениях российских чиновников-управленцев нового времени довольно часто звучат канцелярские глагольные обороты типа: *завязанные на чем-л., подключиться к чему-л., задействовать кого- или что-л. в чем-л., прописать что-л. в чем-л.*; используются типизированные префиксальные дериваты: *отзвониться, отслеживать, отсматривать, прописать, проплатить*. Из уст управленца любого уровня, теперь даже и университетского, легко можно услышать пассаж такого типа: *«...озвучить проблему, выразив озабоченности по части пробуксовки вопроса с незавершенкой, и одновременно провалить в комитете состыковку проекта, а потом прописать его в годовом бюджете...»*

Все подобные случаи неоправданного «стилевого повышения» [3] можно расценивать как следствие проникновения в устно-разговорную речь деловых клише, составляющих один из идеалов говорящего *управленца*, который традиционно стремится к корпоративной стандартизации своей речи и воспринимает такую клишированность как речевой идеал, как правильную русскую речь. Это одно из выражений речевой компетенции современного чиновника, как он ее понимает и которую он в соответствии с традициями отечественной бюрократии старается демонстрировать в качестве **административного соответствия**: не только в собственных служебных действиях, но и в публичном речевом поведении. Итак, первый коммуникативно-речевой идеал чиновника – корпоративная клишированность устно-разговорной речи как выражение административного соответствия начальству.

Второй коммуникативно-речевой идеал чиновника принципиально контрастирует с первым: это последовательное снижение коммуникации, корпоративная склонность к фамильярности общения, традиционное предпочтение российским (а ранее и советским) начальником сниженных и даже вульгарных моделей речевого поведения. В чем это выражается?

1. Средний чиновник-управленец слабо владеет устной разговорно-литературной речью [7: 57–58], плохо различает стилевые регистры общения [2: 10]. В устной публичной коммуникации чиновников регулярно используются подчеркнута коллоквиальные и сниженные слова и выражения, напр., популярные ныне универбаты: *руководить социалкой*, *посчитать усредненку*, *финансы на пищевку*, *организовать оперативку* и т.п. В официальных выступлениях многих губернаторов нового времени навязчиво звучат сниженные, а то и вульгарные морфологические дериваты: *доложиться*, *порешать*, *заволоклить*, *поймать*. Чиновники разных рангов *проталкивают* законы, *продавливают* финансирование, стараются *состыковать* проекты. Чиновник-начальник, *отъезжая*, оставляет кого-то *на хозяйстве*, в докладе непременно *заостряет вопрос*, *увеличивает в разы*, *вызывает на ковер*, *делает втык* или *промывание*. Чиновник высшего ранга публично требует *«Хватит кошмарить бизнес»* и всенародно упрекает министров за то, что *«ни фига не выполняются»*.

Для внутреннего профессионального общения чиновник активно использует собственный корпоративный социолект, административно-деловой жаргон (М.Н. Панова называет его «административно-политическим» [9]), однако постоянно и навязчиво выносит его за пределы чиновничье-бюрократического дискурса, оказывая тем самым неблагоприятное влияние на обиходную устно-разговорную речь в целом. В результате уже и массовый носитель живой русской речи начинает тиражировать и распространять вслед за управленцами и политиками всех рангов такие бюрократические номинации, значения и обороты, как *контролька*, *платежка*, *недвижка*, *безнал*, *неликвид*, *пищевка*, *материалка*, *продавить*, *состыковать*, *пересечься*, *отзвониться*, *факсануть*, *войти в ноль* и т.п.

2. Массовый чиновник-управленец предпочитает несимметричное «ты»-общение с партнерами по нижним ступеням административной иерархии, т.е. российский начальник обращается к подчиненному на

«ты» (– *Иван Степаныч, зайди-ка ко мне в кабинет*). И когда этого не происходит, подчиненный нередко пугается, чувствуя утрату доверия. Аналогично милиционер обращается к задержанному, офицер к солдату, учитель к старшекласснику и даже иногда преподаватель к студенту и аспиранту. В ментальных условиях русской культуры все это так или иначе отражает патерналистский характер бюрократической вертикали, общение по модели «родители – дети», а значит стимулирует определенную социальную незрелость участников речевой коммуникации.

3. Средний российский чиновник активно использует сквернословие, обценную лексику и фразеологию, или иначе – матерится. Разумеется, в адрес подчиненных и обычно в качестве своеобразного знака внутрикорпоративной идентификации, выделения «своих», тех, с кем можно иметь дело. При этом сквернословие часто совмещается у чиновников с публичной борьбой «за чистоту гибнущего русского языка», с требованием к ученым-лингвистам составить «список запрещенных слов». Польский лингвист М. Надель-Червинска удачно назвала это чрезвычайно распространенное у нас, но фактически закрытое для продуктивного обсуждения коммуникативно-речевое явление «номенклатурным матом» [8].

Подведем итоги. Типичный российский чиновник – двойственная фигура в массовом языковом сознании и в собственных речевых проявлениях управленца. Начальника в России не любят, но на большого начальника возлагают серьезные надежды, по поводу чиновника иронизируют, но ему подражают, и это отражается в традиционных ассоциативных реакциях и речевых предпочтениях носителей русского языка. Речевое поведение самого чиновника характеризуют 2 контрастирующие интенции, 2 противодействующих идеала. С одной стороны, стремление к реализации в устной речи стереотипов письменной формы официально-делового языка, посредством которых чиновник демонстрирует профессиональную **ангажированность**, административное соответствие, стремление к корпоративному речевому единству, ори-

ентированному на вышестоящего начальника. А с другой стороны, чиновника отличает устойчивая тенденция к снижению устной разговорной речи, к использованию административно-делового жаргона, к нарочитой грубости и корпоративной **фамильярности**

в расчете, очевидно, на «близость к простому народу». В этом и заключается функционально-стилистическая контрастивность речевого поведения чиновника, дискурсивная двойственность речевых идеалов типичного российского управленца любого ранга.

## Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.
2. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Саратов, 1993. Вып. 25. Проблемы культуры речи.
3. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь. М., 1979.
4. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: Сб. науч. трудов / Под ред. В.И. Карасика. Волгоград, 2005.
5. Колтунова М.В. Язык и деловое общение: нормы, риторика, этикет. М., 2002.
6. Лаптева О.А. Разговорная речь // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
7. Милехина Т.А. Российские предприниматели и их речь (образ, концепты, типы речевых культур) / Под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов, 2006.
8. Надель-Червинска М. Проблемы обценной лексики в лексикографическом описании // Лексика подстандарта: Сб. науч. статей. Катовице, 2007. Т. 1. Проблемы описания разговорной речи.
9. Панова М.Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования. М., 2004.
10. Русский ассоциативный словарь / Под ред. Ю.Н. Караулова. М., 1994. Кн. 1.
11. Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск, 2003.
12. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.

V.V. Khimik

### MODERN OFFICIAL: TRADITIONAL IMAGE AND SOME FEATURES OF SPEECH BEHAVIOUR

*Nomination, semantic field, associative reactions, speech ideal, stylistic contrast.*

In the article some components of structure of the semantic field the “official chief”, traditional associative-mental estimations of concepts *chief* and *manager*, and also stylistic contrasts in speech behaviour of modern Russian official are considered.

НОВОСТИ

НОВОСТИ

НОВОСТИ

НОВОСТИ

НОВОСТИ

В итальянском городе Бари в 5-й раз прошел **фестиваль российского искусства** под поэтическим названием «Летний сад искусств». Мероприятие было организовано Дирекцией международных программ совместно с Фондом социально-культурных инициатив при поддержке Министерства культуры РФ и содействии городских властей Бари, а также Итало-российской торговой палаты. Фестиваль был традиционно приурочен ко Дню св. Николая (Николы Вешнего), который по православному календарю отмечается 22 мая. В его рамках была организована выставка современных икон, выполненных ярославскими мастерами, концерт ведущих солистов Академии молодых певцов Мариинского театра и кинопрограмма, в которую входили фильмы – лауреаты Международного благотворительно-го фестиваля «Лучезарный ангел».

*По материалам информационной службы  
фонда «Русский мир» (russkiymir.ru)*